

концепция нового образа жизни, отсекающая все лишнее, наверное, работать не будет.

И последнее. Несмотря на ту моду, которая сложилась вокруг концепции постиндустриального общества, я вполне убежден, что для России нет более важной экономической повестки, чем повестка неоиндустриального развития. Хотя бы потому, что наша страна инфраструктурно все еще крайне слабо освоена. Кроме того, она, к сожалению, не может себе позволить скандинавскую модель расходов на оборону. Причем не может не только из соображений государственного престижа, но из соображений элементарной общественной безопасности, поскольку без надлежащей защиты остатки цивилизации на этой территории могут быть сметены достаточно быстро.

Хочу завершить свой комментарий библиографической аллюзией. Недавно обсуждали книгу Аттали о Марксе и говорили много о том, что близкого и интересного нашел этот идеолог финансового правого глобализма в Марксе. Во-первых, я полагаю, он в полной мере оценил вольную или невольную помощь Маркса в борьбе финансового капитала с промышленным, потому что острые аргументы Маркса направлены против промышленного капитала. Эта борьба была тогда чрезвычайно актуальна, остается она актуальной и сейчас. Я вижу и у нашего уважаемого докладчика аргументы именно против промышленного капитала. Под каким бы соусом они не приводились, они могут быть использованы далеко не во благо. Во-вторых, он не мог не оценить помощь Маркса в борьбе глобального капитала с национальным капиталом и национальным государством. Этот мотив в докладе также прозвучал, когда было сказано о том, что ресурсы принадлежат человечеству.

Но все дело в том, что такого субъекта как человечество не существует. Зато существуют субъекты в лице национальных государств и в лице транснациональных компаний. Идеология, которая от имени человечества отнимает ресурсы у национального государства, работает на транснациональные

компаний. К сожалению, при всей симпатии к отдельным его устремлениям, я вполне убежден, что так называемый альтерглобализм, он же антиглобализм, является еретической версией глобализма как такового, его революционным передовым отрядом, который объективно обслуживает интересы транснациональной глобализации.

Долгосрочные прогнозы давать трудно, но можно предложить желательные направления действий органов власти и элиты

В.Л. Римский

Я бы предложил некое дополнение к тому, что мы сегодня слышали и обсуждали. Мне представляется, что в современной ситуации наша страна находится в некой точке бифуркации. Поясню, что я имею в виду. Из этой точки практически по всем параметрам, которые мы можем измерить, развитие может пойти примерно с равными вероятностями в самых разных направлениях. Если по каждому возможному направлению развития отложить величину вероятности его реализации, то получится совокупность векторов, концы которых будут лежать на поверхности, по форме близкой к многомерной сфере, примерно равноудаленной от точки бифуркации. И давать какой-то прогноз относительно того, куда реально это развитие пойдет, каким будет его результат, вообще говоря, невозможно, потому что траектории этого развития примерно равновероятны для реализации. Можно сказать, что сфера этих траекторий немного вытянута по направлениям с большей вероятностью развития, но эти различия с другими направлениями минимальны, поскольку их вероятности ненамного отличаются от наибольших. Поэтому довольно сложно давать долгосрочные прогнозы разви-

тия ситуации внутри нашей страны и относительно ее места в мире, описывать, каким будет этот мир и какой будет в нем роль России и т. п.

Но анализ сложившейся в России и мире ситуации, тем не менее, показывает, что можно попытаться предложить вариант направления действий российской элиты и органов власти, повышающий вероятность развития нашей страны таким образом, чтобы постоянно расширялись ресурсы обеспечения высокого качества жизни и социальной стабильности, росла конкурентоспособность нашего социума в мировой экономике и политике. Для этого, в частности, можно использовать возможности и ресурсы постиндустриальной экономики, которая в нашей стране возникла и развивается довольно медленно в сравнении с передовыми странами мира в силу сырьевой направленности российской экономики.

В ходе сегодняшнего обсуждения уже упоминались проблемы постиндустриального развития, которые являются довольно острыми и в мире, и в России. Автоматизация, т. е. выполнение работ и предоставление услуг с помощью автоматов, появилась в индустриальном обществе. Но постиндустриальное общество характеризуется тем, что в нем автоматизация становится практически решающим способом производить достаточно дешевые и качественные продукты, товары, а также предоставлять услуги. В условиях современной автоматизации человек скорее направляет автоматы, выбирает для них варианты работы, а сами работы производятся без участия человека. Соответственно, в этой автоматизации, вообще говоря, исполнители уже не должны иметь ни высокого образования, ни высокой ответственности за результаты своего труда. Потому что во многих случаях они просто должны наблюдать за тем, что делают эти автоматы, и если что-то не так — вызывать специалистов. Такова современная модель производства высококачественной продукции, в которую человек включен лишь как наблюдатель. Потому что при включении человека в производственные

операции именно он стал бы одним из главных факторов снижения качества производимой продукции. Самый яркий пример такого рода для меня — это производство микрочипов, которые и проектируются с помощью автоматов, управляемых программами уже работающих микрочипов, и производятся под управлением других микрочипов, и контролируются на качество тоже с помощью программ, реализованных в микрочипах, и т. д. Человек может только наблюдать за процессом такого производства. Как только он вмешается в этот процесс, результат будет разрушительным для получения высококачественной продукции. И вот как раз такая модель постиндустриального производства приносит наибольшие прибыли. Микрочипы производить очень выгодно. А мы не умеем производить современные высокопроизводительные микрочипы, т. е. мы не делаем того, что сейчас является одним из самых прибыльных продуктов.

Еще более выгодно в постиндустриальной экономике производить и поставлять программные продукты и оказывать информационные услуги. При создании программных продуктов самыми существенными являются затраты на их разработки. А тиражирование программных продуктов и их распространение во многих случаях очень дешево. Пример — распространение программных продуктов через сайты в сети Интернет. В таких случаях нужно осуществить сравнительно небольшие разовые затраты на размещение программного продукта на сайте, время от времени давать его рекламу в форме рассылок по электронной почте или иными довольно дешевыми способами и организовать оплату услуги по скачиванию программного продукта с последующей его установкой на компьютерах самими пользователями. Получается, что все реальные действия по получению программного продукта — регистрацию, оплату, скачивание, установку на свои компьютеры — пользователи выполняют самостоятельно, т. е. без участия производителя и распространителя этого продукта, при минимальных затратах с его стороны. В таких условиях даже при невысоких

ценах на программные продукты, доступных для потребителей, их распространение является весьма доходным делом.

Это и есть один из самых прибыльных вариантов постиндустриального производства. Такого рода проекты сейчас приносят самые большие прибыли из-за небольших, но постоянных доходов при невысоких постоянных расходах. Это не аномалия, а закономерность постиндустриального производства. При этом, конечно, остается практически нерешенная в нашей стране проблема обеспечения авторских прав создателей программных, информационных и других нематериальных продуктов на таком уровне, который позволил бы авторам, творцам этих продуктов получать адекватную плату за их труд. Ведь именно от создателей таких нематериальных продуктов во многом и зависит, насколько они будут востребованы и какие принесут прибыли. В Российской Федерации авторские права на практике не защищены, нормы законов не исполняются или понимаются неоднозначно. И даже признание авторских прав не позволяет создателям нематериальных продуктов получать доходы, сравнимые с доходами их коллег в развитых странах мира. Поэтому творцы таких нематериальных продуктов нередко уезжают работать в эти страны или, живя в России, работают на заказчиков в других, развитых странах.

При этом потребности в высококачественном программном обеспечении очень велики, потому что современные автоматы на производстве управляются с помощью компьютерных программ, а автоматизация офисного труда, принятия и контроля исполнения решений органами власти существенно повышает эффективность деятельности в них и т. п. Поэтому автоматизация производства и информатизация практически любых видов деятельности существенно способствуют повышению конкурентоспособности субъектов, этими видами деятельности занимающихся.

Но исследования процессов информатизации показывают, что такие эффекты удастся достигнуть только в случа-

ях существенной перестройки организации производства, офисной деятельности или системы управления, в результате которой эти виды деятельности становятся высокотехнологичными. В нашей стране, напротив, сохраняется приверженность традиционным методам производства и управления, в которых современные информационные технологии являются необязательными дополнениями, а не инструментом, определяющим результаты деятельности в этих сферах. Это приводит к постоянно увеличивающемуся технологическому отставанию российского производства и систем управления от развитых стран мира и, как следствие, к невосприимчивости российских производителей, руководителей и работников органов власти и частного бизнеса к новым современным высоким технологиям. Усиливает такую невосприимчивость и действие социальных условий развития нашей страны.

В современной России элита и органы власти сделали, в частности, выгодный для себя и невыгодный для обеспечения конкурентоспособности социума вывод о том, каким должно быть образование и воспитание детей и молодежи. В постиндустриальном обществе с проявлениями постмодерна только очень немногим доступно творчество и есть возможности для самореализации в профессиональной деятельности. Причем, эта тенденция будет продолжаться и в будущем. Только очень немногие смогут быть творцами, создающими информационные и другие постиндустриальные продукты и услуги, которые легко распространяются и приносят высокие прибыли. Такими творцами сейчас, например, являются руководители домов моды, руководители и ведущие специалисты компьютерных фирм, исполнители-звезды и продюсеры шоу-бизнеса, ведущие режиссеры театров, кино и телевидения, звезды тележурналистики и другие.

Высокий уровень автоматизации и применение высоких технологий снижает и будет в дальнейшем снижать потребность в квалифицированных и ответственных исполнителях. Их функции будут передаваться частично автоматам, а частич-

но — малоквалифицированным работникам, востребованным для наблюдения за работой автоматов или для выполнения работ, которые автоматизировать невыгодно или невозможно. В результате, спрос на рынке труда на высококвалифицированных исполнителей снижается и будет снижаться.

Под влиянием российских органов власти и элиты вся система воспитания и образования детей и молодежи в нашей стране становится существенно разделенной на воспитание и образование для представителей очень небольшой доли богатых семей и для всех остальных. Более или менее качественное воспитание и образование, позволяющие реализовывать свой творческий потенциал в профессиональной деятельности, дается и будет даваться только для богатых, а подавляющее большинство детей и молодежи готовятся и будут готовиться к использованию их в качестве малоквалифицированных исполнителей на рынке труда. Мало того, подобная система воспитания и образования снижает совокупный творческий потенциал нашего социума, ведь воспитать творца можно лишь имея широкую сеть развития способностей и отбора не только из числа представителей богатых семей. В любом обществе к творчеству в профессиональной деятельности способны не большинство, а меньшинство его членов, но отбирать это творческое меньшинство лишь из обеспеченных семей — это означает упускать возможности развития представителей других семей, которые могут быть не менее, а часто и более одаренными.

При продолжении современных тенденций российская система воспитания и образования детей и молодежи в ближайшем будущем выведет их в условия конкуренции не с творцами и работниками развитых стран, а с малоквалифицированными работниками отсталых стран, в частности, стран бывшего Советского Союза. Это еще больше снизит востребованность новых и информационных технологий в нашей экономике и, в дополнение ко всему, будет способствовать росту проявлений в нашей стране таких негативных и

опасных социальных явлений, как национальная дискриминация, ксенофобия, национализм, даже расизм и фашизм.

В краткосрочной перспективе российским органам власти и элите такие стратегии развития страны, по-видимому, представляются оптимальными. Им удастся удерживать на сравнительно низком уровне расходы на образование, здравоохранение и социальную сферу для большинства граждан, а проявлениям негативных социальных явлений пока успешно противостоят правоохранительные органы и суды. Но такая стратегия может быть признана успешной только для элитных социальных групп и только на ближайшую перспективу. Вследствие сознательной или неосознанной реализации такой стратегии у России практически не остается возможностей существенно влиять на значимые тенденции мирового цивилизационного развития. Наша страна по самым разным показателям — от качества жизни граждан и уровня их правовой защищенности до объемов экспорта технологий и производства высококачественной продукции — все более заметно смещается к периферии мирового развития.

Для того чтобы Россия начала перемещаться из мировой периферии к центру мирового развития и чтобы стало более значимым ее влияние на принятие важнейших решений, определяющих мировое развитие, необходимо изменить стратегию развития страны в направлении повышения конкурентоспособности российского общества в мировой политике и экономике. Но разработка и реализация такой стратегии возможны только в условиях ориентации государственного управления и элиты на долгосрочные стратегии и получение преимуществ в долгосрочной перспективе. Причем придется перестраивать всю жизнь нашего социума, начиная буквально с воспитания малолетних детей и заканчивая процедурами принятия политических и государственных решений. Эти стратегии должны быть направлены на поиск идей новых постиндустриальных или информационных продуктов, которые пока никто в мире не производит,

но которые могли бы обеспечить те или иные потребности индивидов во всем мире. Эти идеи нужно доводить до технологий производства и продаж, распространения готовых продуктов. Продажи таких продуктов в период, пока другие страны еще не смогут организовать их производство и поставки, способны принести нашей стране сверхприбыли, которые можно направить на финансирование сельского хозяйства, индустриального производства, социальной сферы с целью обеспечения высокого качества жизни и возможностей в проявлении креативности наших граждан. Эта креативность должна помочь вовремя найти новые аналогичные идеи продуктов, когда разовьется конкуренция на рынке поставок продуктов, уже созданных. И этот проект Россия вполне могла бы реализовать самостоятельно, но для повышения его эффективности очень желательно поддерживать взаимодействия с разнообразными социальными сетями, участвовать в функционировании мировых рынков и т. п.

При таком развитии страны станут выгодными вложения в достойное образование, в развитие науки и внедрение научных методов управления, потому что экономическая оценка этих вложений будет производиться по итогам 15–20 лет после их осуществления, т. е. по долгосрочным критериям, а не по краткосрочным, как сейчас. И тогда с высокой степенью вероятности в России станут приоритетными — развитие высококачественного образования, фундаментальной и прикладной науки, широкое применение научных методов в принятии решений и разработке технологий, социальных, экономических и экологических инноваций. При этом неизбежно в экономике будет снижаться уровень вмешательства органов власти в принятие и исполнение решений субъектами экономической деятельности при росте значимости органов власти в обеспечении соблюдения норм и правил экономической деятельности. В этих условиях будут повышаться значимость и расширяться деятельность гражданского общества, объединений и ассоциаций граждан в политике, эко-

номике и общественной жизни. А на экономическом уровне в этой ситуации государство от развития постиндустриальных секторов получит достаточно денежных средств для поддержки индустриального и аграрного секторов, а также жилищно-коммунальной сферы, которые во всех развитых странах мира без такой поддержки являются убыточными. Появятся необходимые средства для поддержания достаточно высокого уровня жизни большинства граждан.

Дальше просматривать развитие ситуации трудно, поскольку пока никаких реальных действий в разработке и реализации такого рода стратегий в нашем государстве и социуме не проводится. Но, в любом случае, без идей, позволяющих существенно изменить стратегию развития страны с использованием постиндустриальных ресурсов развития, мне представляется невозможным позитивное для большинства граждан и страны в целом развитие России в современном мире.

Реплика (А.И. Неклесса):

Коллеги, думаю, в выступлении Владимира Львовича спутаны два понятия: поздний индустриализм и постиндустриализм. Автоматизация — вершина индустриального общества, и Маркс видел ее в качестве основы для перехода к иной общественной организации — коммунизму. Мы же называем это состояние постиндустриализмом, но его суть не в автоматизации, а в творчестве, которое освобождается от тягот повседневности при помощи «автоматизации» или, как сегодня мы чаще говорим, «высоких технологий». А вот когда Владимир Львович рассказывал про людей-функций, которые будут выполнять чисто автоматические функции, то это и есть поздний индустриализм, а не постиндустриализм. Поздний индустриализм и постиндустриализм взаимосвязаны, но качественно различны.

Кстати, заодно уж — несколько слов о проблеме производства чипов в России. Это все-таки проблема не программного обеспечения, а общей культуры технологического производ-

ства в стране. На сегодняшний день в России производятся чипы с параметрами 120 нанометров. Большим достижением считаются 90 нанометров. А в мире реализуются программы, позволяющие получать параметры 30 и менее нанометров. Так что все это (можно?) запустить через компьютер и получать постоянную прибыль. Это весьма непросто решаемая проблема профессиональной и вообще материальной культуры.

Почему я это упоминаю? У нас действительно разные взгляды на природу постиндустриального общества. И когда речь идет о нематериальном производстве, то сама постановка темы зачастую является упрощенной моделью. Вспомним высказывания В.Г. Буданова о совпадениях некоторых черт первобытного коммунизма и коммунизма, так сказать, «высокотехнологического». Да, действительно некоторые общие черты имеются. Но есть неизмеримо более существенные различия: наличие высокой технологической основы, снимающей многие и многие обременения, что сдвигает доминанту быта и бытия в другие сферы человеческой практики. Доминанта сдвигается, но не отменяет реалии позднего индустриального общества и не гарантирует социальный транзит, поскольку возникает много сопутствующих (не обязательно «побочных») проблем, упирающихся в конечном счете в качества человеческого естества, ибо именно внутренние интенции человека в подобной исторически уникальной ситуации получают максимальное раскрытие и возможности для воплощения. Это особая и серьезная тема.

Заключительное слово докладчиков

А.В. Бузгалин

На мой взгляд, у нас получился очень интересный и содержательный разговор. Мне много задавали вопросов, меня много критиковали, причем с пониманием того, что критикуется, а это бывает не часто: интеллектуалы предпочитают говорить по-своему и о своем.

Мне, естественно, хотелось бы содержательно ответить, но регламент очень жесткий, поэтому лишь несколько кратких тезисов.

Первое относится к вопросам А.И. Неклессы. Он отметил, что в рамках встречи никто не хотел ставить диагноз, все предлагали прогноз. У меня тоже не было цели поставить диагноз. На эту тему мною написано немало работ: в частности, в книге «Мы пойдем другим путем» (М., 2009) — о России, в учебнике по компаративистике — о том, что происходит в мире. Поэтому я не ставил задачу диагностики. Мне показалось интереснее посмотреть на *возможную прогрессивную тенденцию*.

За неимением времени, я использую аналогию. Есть свалка, на которой появились некие ростки нового — то ли дерева, то ли цветка, — словом, чего-то прекрасного. Я не анализировал свалку, я не анализировал то, как могут затоптать эти ростки. Я даже не анализировал вопрос о том, кто будет эти ростки охранять, поливать и выращивать. Я пытался показать, *что они из себя представляют*. Вот и все.

Второй тезис. Мне было сказано: «Этот проект не имеет никакого отношения к современной России». Категорически не согласен. На мой взгляд, это единственный проект, в рамках которого Россия имеет шансы вырваться из периферийного состояния.

В этой связи по поводу двух последних замечаний, которые здесь прозвучали. Я не путаю национальные проблемы с из-